

Где Дух Господень, там свобода

ПРОТОИЕРЕИ ВЛАДИСЛАВ СВЕШНИКОВ: ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

— Отец Владислав, возможны ли, на Ваш взгляд, точки соприкосновения между молодежной и церковной культурами в современном обществе?

— Сначала хотелось бы поделиться общими соображениями о взаимосвязи церковного мира и современной культуры в целом, пока не выделяя из нее молодежную. В современном мире нет концептуально выстроенной нравственной культуры, и поэтому было бы естественно выделить два главных направления: с одной стороны, как понимает нерелигиозный мир тех людей, которые объявляют себя открыто людьми религиозного сознания, и наоборот, как относятся люди религиозного, в первую очередь православного, сознания к той культуре, которую несет мир в целом. Если выбрать общую демаркационную линию, то она окажется скорее разделяющей, чем соединяющей эти два способа взгляда на мир и, соответственно, жизненных отношений. Напротив, в XIX веке одновременно происходило их взаимопроникновение и взаимоотталкивание. Можно даже сказать, что процесс взаимопроникновения был гораздо более развит, чем обратный процесс. В то время существовали религиозно-философские общества, которые включали в себя довольно разнородный состав: с одной стороны, митрополит Антоний Храповицкий или священник Павел Флоренский, а с другой, — люди, оставившие в своей жизни лишь душевную декорацию христианской культуры, такие как, например, Зинаида Гиппиус.

Катастрофа начала XX века насильственно разделила эти два типа культуры, хотя, конечно, в простом народе еще в течение двух поколений оставались стремление и склонность к той нарабатанной веками нравственной культуре, которой жили их предки. Демаркационная линия теперь уже была выстроена официально. Более того, если говорить о России, то за Церковью и, соответственно, за церковной культурой, христианским мировоззрением, церковным подходом к жизни официально признавалась лишь роль некоторой резервации. Таким образом то, что относилось к христианской православной культуре, было заключено в рамках церковного богослужения и, отчасти, фольклора, то есть в том, что можно было собирать, исследовать, но не более. Нечто археологическое, занятное, но уже не имеющее ценности в жизни общества. Подобного рода процессы, хотя и не на официальном уровне, по-видимому, проходили во всем мире.

Однако были люди, которые хотя бы по интуиции обладали стремлениями к чистой совести и сохраняли в своей генетической памяти традиции христианского миропонимания, но все таки ушли от них по своим склонностям, по своему пониманию ценностей. Такими людьми иногда делались попытки, отражавшиеся в их жизни и творчестве, к объединению двух культур. Поэтому некоторые писатели (например, Генрих Бёль и другие) считали себя людьми христианской культуры, выражавшими культурные ценности христианского сознания. Но чем дальше шло время, тем более ценности автономной культуры становились преобладающими, а ценности христианской культуры — совершенно далекими и чуждыми. В России ярчайшим примером этого явления можно считать Набокова, в творчестве которого не осталось от христианской культуры ничего, как, собственно, и от жизни. Конечно, оно замечательно как образец литературного мастерства, но совершенно лишено жизненного содержания. И это не случайно, потому что когда литература совсем отрывается от источника жизни, она становится безжизненной. А источник жизни находится не в человеке, а выше человека.

Сегодня мы подошли к такой ситуации, когда очень нестандартно, как реакция на годы советской действительности, по некоторой доле генетической традиции общество во многих своих членах стало сознавать себя принадлежащим к христианской культуре. Однако в жизни это никак не выражается. В лучшем случае — освящают куличи на Пасху, да еще на некотором смутном интуитивном уровне Церкви доверяют больше, чем другим институтам. Не потому, конечно, что так любят и знают Церковь, а потому что все остальные просто себя дискредитировали.

Так, на всех уровнях, на всех материалах культуры выросло и живет некоторое новое общество, «новый ветхий народ», для которого по непосредственному содержанию жизни характерно полное отторжение от христианской культуры. Но, в то же время, оно объявляет свою принадлежность к этой культуре, поскольку все прочие формы жизни и ее содержания себя дискредитировали.

Когда покончили со структурой большевистского сознания — ложной, но все-таки структурой — пришли к хаотическому ощущению мира, поскольку другой структуры не было создано. И теперь, разрушительный хаос обществен-

ной действительности противостоит строгой структуре любви христианского сознания. Демаркационная линия осталась. Она просто может передвигаться, но диффузии, взаимопроникновения осуществляться не может. Возможен только переход. Надо заметить, что в настоящее время переходы со стороны Церкви обратно, в светскую культуру, чрезвычайно редки, хотя и встречаются. Встречаются потому, что люди сравнительно молодого или среднего возраста попробовали по искренней симпатии сделать свои первые шаги в церковной жизни, но честно убедились в том, что этот материал содержания жизни — *не их*, и вернулись обратно.

Две культуры разделены потому, что основание для этого разделения — принципиальная мировоззренческая разница. Совмещения не может быть никакого: либо человек принимает тот тип устройства, который предлагается Христом, Евангелием, Церковью, как основную внутреннюю норму своей духовной жизни, либо он живет своими нормами, даже если он считает эти нормы близкими к христианству. В таком случае речь идет не более, чем об интерпретации. Такого рода интерпретациями занимаются очень многие люди. И потому принципиально возможен только один путь — путь перехода этой демаркационной линии — либо сразу, что очень трудно, либо постепенно, оставляя за спиной те ценности, которыми жил прежде.

— Были ли в Вашей пастырской практике реальные случаи перехода, особенно молодых людей, через эту разделяющую линию?

— Таких случаев были десятки и даже сотни, впрочем как и у всякого служащего священника. Когда я десять лет

назад перешел из Тверской епархии в Московскую, я начал свое служение в одном из деревенских храмов. Но деревенским его назвать трудно, так как рядом с ним находился научный городок. Сначала в храм ходила традиционная публика — старушки. Но после двух-трех месяцев каждое воскресенье стали приходить три — пять новых человек. Причем не таких людей, которые пришли просто поглазеть и уйти, а тех, кто оставался потом навсегда. Были у нас и школьники, но с ними случалась повсеместная беда: учась в школе, они всегда бывали в храме, даже прислуживали в алтаре, но как только поступали в вузы, их жизнь в Церкви прекращалась. Для меня это не просто трагедия. Я полон глубокой печали и, честно говоря, непонимания — ведь у таких ребят была конкретная, предметная связь с Богом (они вкушали Причастие!), как казалось, не только на психологическом, но и на глубоком личном уровне. Либо не было этой связи, либо речь идет о предательстве, о чем и говорить не хочется. Многих я часто вижу, они по-прежнему такие же симпатичные ребята, заходят в храм, но, к сожалению, они вне Церкви.

— Видимо, культура, которая захлестнула их в институте, оказалась просто сильнее?

— Скорее, это не культура, а тип жизни. Время занятости увеличилось, появились новые друзья, новые социальные слои, ну и, конечно, юные страсти. Но я должен сказать, что среди тех, кто пришел в Церковь в возрасте чуть более старшем, например, в 19-тилетнем, я не могу припомнить ни одного случая ухода. Более того, образовалось много супружеских пар, стали рождаться дети, и теперь по воскресеньям причащающихся детей, пожалуй, столько же, сколько и взрослых прихожан.

— Батюшка, возвращаясь к теме уходящих из храма ребят, возникает вопрос: насколько возможно для человека, пришедшего в Церковь, дальнейшее совмещение жизни светской, нецерковной с жизнью в Церкви?

— Не могу указать допустимую глубину проникновения молодежной субкультуры в жизнь молодого христианина, но, вообще говоря, такое совмещение возможно. Где-то три четверти молодых людей ушли, но одна четверть осталась. Хочешь или не хочешь, а связь с жизнью, которой живет мир, у этих ребят сохраняется. Пусть принимаются не все ценности «века сего», но во всяком случае остается то, что относится к работе, общению с нецерковными людьми и тому подобное. Но важна и другая сторона: главное для этих молодых людей — продолжение жизни в Церкви, потому что без этого они уже жить не могут.

— А как Вы можете охарактеризовать современную музыкальную культуру и, в частности, рок-культуру?

— Если говорить о рок-культуре, то сразу признаюсь: я не слишком хорошо ее знаю. А то, что знаю, представляет собой все-таки очевидное снижение, редукцию ценностей прежней мировой культуры как относительно конкретного содержания (литературной стороны), так и относительно возможности это содержание выявить в конкретных культурных формах (музыкальных, поэтических и т.д.). На сло-

весном уровне песенная культура, рок-культура являет процесс обеднения, деградации. Я уже не говорю о... Как это сейчас называется у молодежи?

— *Вы имеете в виду «попсу»?*

— Да, я уже не говорю о «попсе». На словесном уровне она настолько пуста и примитивна, что даже не хочется хоть сколько-то подробно об этом разговаривать. В русской рок-культуре словесно-поэтический материал был несколько более значителен (конечно, речь не идет о сравнении с достижениями русской культуры прежнего времени) хотя бы потому, что было отрицание некоторых ложных, но распространенных общественных идеалов. Отрицание того, что видели в реальности. Причем это отрицание было выражено психологически, если не сказать психиатрически, довольно остро, с большой силой. Значительный элемент в этом творчестве — ирония, что часто наблюдалось и в мировой культуре, хотя и здесь мы тоже видим общее снижение уровня. Но, безусловно, сам стиль иронии куда выше стиля «попсы», где нет никакого содержания, кроме очень дешевой, «зоологической» лирики.

Можно сказать, что рок-культура представляет собой нечто понятно-привлекательное для молодых людей, потому что для них близок ее энергично-истерический стиль (мы говорим здесь о музыке и исполнении, хотя и в словах это тоже выражалось), близок не столько типу сознания, сколько психологическому типу переживания. Что касается музыки, то, конечно, даже «попса» 50–60–70-х годов, несомненно, богаче и мелодически, и словесно, и гармонически, хотя по содержанию она так и остается «попсой» — жалкой лирикой, за которой не стоит никакого действительного богатства чувств (учитывая то, что имеется в виду преимущественно одно чувство — интимное отношение двух полов). Но вспомните романсы XIX века: поется все о том же, но куда как богаче словесные выражения («Я помню чудное мгновенье...»)! Как человек немолодой, я с трудом могу понять, чем новая «попса» может привлекать людей? Разве что придется признать, что она есть выражение умственно-го и эмоционального оскудения, редукции душевной жизни нового поколения по сравнению со старым. Тогда понятно, почему к ней тянутся: потому что для них это свое. Что касается только рок-культуры, то она, конечно, все-таки богаче, правда, исключительно в словах и форме выражения, хотя для человека, привыкшего к мировой культуре, эта форма выражения кажется убогой и животной.

По поводу сосуществования церковной жизни и светской. Опыт некоторых молодых прихожан из моих приходских говорит о том, что такое возможно, по крайней мере, как временный фактор. На исповеди я вижу, что многие из молодых людей видят и понимают свои жизненные ошибки, грехи не хуже, чем взрослые люди. Они понимают, что такого рода увлечения являют собой род зависимости, то есть они находятся в некотором противоречивом состоянии, потому что дух христианства должен вести к освобожденности от всякой зависимости: где Дух Господень — там свобода.

Надо сказать, что на их дальнейшую жизнь в более строгих и чистых христианских началах оказывает влияние время, как фактор, который уничтожает эти зависимости, а

также строй жизни прихода в целом, если они не уходят. Но если строй приходской жизни имеет агрессивно-аскетический характер, чрезмерно монашеский, то там никто не удерживается, такой строй отталкивает. Либо эти люди начинают играть, для них начинается театр аскетике. А актерство вообще — свойство греховного человеческого бытия, чего, к сожалению, в Церкви больше, чем в любой другой действительности. В таком случае продержаться некоторое время можно, иной раз возможен и переход от театра к натуральной аскетической жизни, но это большая редкость. Поэтому для таких людей гораздо лучше было бы оказаться на приходе менее строгом, где нет такой демонстративной аскетике, которая отпугивает не только такого рода молодых людей, но и просто нормальных людей, только что пришедших к вере. Они видят, что люди настроены на внешних аскетических началах, которые они пока не могут нести, и тогда они отходят; хорошо, если не от Церкви вообще, а переходят в то место, где им оказывается проще. Для молодых людей, если они остаются, начинается эпоха театра, которая может продолжаться дальше всю жизнь.

— *Как найти общий язык с людьми, которые занимаются рок-культурой? Как общаться с ними, например, священнику?*

— Я не знаю, как с ними общаться до того, как они сделали первый шаг в Церковь. Потому что, как правило, подавляющее большинство священников живет в своей внутрицерковной имманентной среде и за пределы церковной действительности, если и выходит, то выходит в плане общественной деятельности (понятно, что при этом они встречаются с людьми не всегда строго православными). Может быть, есть некоторые священники, у которых есть старые знакомства, привязанности, и к ним приводят людей иного опыта жизни, и тогда начинается их связь, которая дальше постепенно переходит в воцерковление этих людей. Но большинство, конечно же, живет устоявшейся церковной действительностью. Поэтому вопрос можно поставить так: как быть с теми, кто *уже* пришел? И тут возникают две взаимопроверочивых задачи: с одной стороны, не оттолкнуть, а с другой стороны, не позволить им ввести в жизнь Церкви и в свою личную жизнь склонности к прежним греховным ценностям, которые будут действовать деструктивно, дай Бог, если только для них одних, а не на окружающий их церковный народ.

Из своей личной практики могу рассказать следующее: так получилось, что недалеко от нашего храма живет один известный рок-певец. Он стал ходить в наш храм, у нас завязалось общение. При этом он продолжал оставаться человеком, которому во многом, кроме своей музыкальной деятельности, приходилось каяться, причем так, что я порой его не допускал до причастия, впрочем, не из-за «музыкальных дел». Если говорить о его главной деятельности, то я поставил для него некоторые задачи, с которыми он согласился (я со всеми людьми строю свою практику общения не на менторско-приказных тонах, а на попытках найти общее понимание и согласие, так чтобы, в конечном итоге, мои аргументы стали их личными аргументами по силе аргументации, а не по авторитету священника). Эти начальные, простые задачи заключали в себе, во-первых, абсолютное

исключение мата, во-вторых, абсолютное исключение допустимости религиозного плюрализма, в-третьих, уменьшить истерику. С третьей задачей он теоретически согласился, но на практике говорит: «Батюшка, вы правы, но я иначе не могу. Я заводжусь, когда я начинаю петь. Я даже не думал, что могу так заводиться». И, очевидно, говорить о воцерковлении его и подобных ему людей можно лишь в том случае, когда они перестанут так «заводиться», потому что сама эта «заводимость» из другого типа жизни, из другого типа переживания и сознания. До тех пор, пока они живут в этой «заводимости», их едва ли можно считать вполне церковными людьми. Их можно лишь по снисходительности допускать, одновременно ставя перед ними задачу изменения своей жизни.

— *Мы говорили об опасности человека привести свои ценности, которыми он увлекался прежде, в общество верующих, общество, которое живет новыми принципами...*

— На нормальном приходе это практически невозможно.

— *Однако, мы имеем пример современных католиков и протестантов: например, в Африке в целях привлечения местных жителей в свою конфессию широко используются за богослужением местные культовые обряды, музыка. Известно также использование эстрадной музыки во время Литургии в таких развитых странах, как Франция. Не грозит ли мы подобная опасность впасть в зависимость от современной культуры?*

— Устойчивая консервативность православных традиций, скорее всего, никогда не допустит привлечения такого рода форм, за которыми, на самом деле, стоит больше, чем компромисс, — отступление от духовной правды, то есть от Предания. Как-то так получается, что новые люди, приходящие в Церковь, не пытаются внедрить свои принципы, типы устройства, они либо адаптируются, либо, что тогда неизбежно, отторгаются.

К сожалению, прошли те 10 лет, когда наблюдался массовый приход в Церковь, сейчас приходят «штучно». Разумеется, не потому, что Церковь тогда была ярче и сильнее, а сейчас мертвее и слабее. Скорее как раз наоборот. Тогда пришли те, кто никак не мог не придти, они были ведомы всем строем своей жизни.

— *Как же преодолеть этот разрыв между Церковью и обществом, как сделать Церковь живой и интересной для молодежи, как привести людей в ограду Церкви?*

— Практических шагов, то есть, как сделать Церковь нужной, живой и интересной для тех, для кого она пока не стала матерью, — я не знаю. С одной стороны, ясно, что от традиции, предания ни в чем нельзя отступать ни на шаг, с другой стороны, невозможно переступить ту демаркационную линию, которая разделяет эти две культуры. Поэтому нужно сделать прыжок. Как сделать так, чтобы этот прыжок был естественен с человеческой стороны, помимо призывания Божественной помощи, я не знаю.

Вполне возможно, что в условиях России необходимы гораздо более острые и болезненные события, чем были весь этот век, для того, чтобы какие-нибудь случившиеся катастрофы привели бы остальную часть. Можно представить себе и какой-нибудь более органичный путь, но почти такой же трудный. Это, наверняка, будет путь Божественного чуда, но чуда, которое подготавливается и совершается людьми. Я хочу сказать, что в России возможно возникновение такого обширного общественного движения, в котором люди христианского самосознания будут занимать главное место, хотя бы потому, что для них более органичен тот тип жизни, который называется служение. То есть они должны стать закваской для тех, кто еще не вошел в христианское понимание и устройство жизни, но согласны с нравственно-душевым содержанием такого типа жизни. Тогда постепенно все общество будет пронизываться этим смыслом жизни ради того, чтобы не погибнуть народу, обществу и государству. Это движение, захватывая все более обширные слои людей и воцерковляя их, может сделать больше, чем все наши предполагаемые попытки. Это дело потребует совершеннейшей самоотверженности, оно потребует очень больших усилий. Напряженная мысль Церкви должна всегда биться с большой энергией, пытаясь осознать, что же делать для того, чтобы, не изменяя своей природы, сделать саму себя действительно привлекательной для жизни общества, для людей иных жизненных ориентиров.

— *В заключение хотелось бы попросить Вас поделиться своими пожеланиями к молодым пастырям.*

— Как-то раз я служил в Николо-Кузнецком храме. Был институтский день, служил Святейший, ну и, конечно, очень много священников — преподаватели Богословского института и учащиеся в сане. К сожалению, невозможно было не обратить внимание на страшный возрастной разрыв. Было несколько пожилых священников, ректор, и основная часть совершенно «зеленой» молодежи. Хорошая поросль, хорошие ребята, но промежуточного, очень важного возрастного звена, к сожалению, не было совсем. А ведь это звено как раз и является тем материалом, который преемственно держит предание. Слава Богу, что молодые священники учились в институте, где преданию уделяется большое внимание.

Что можно пожелать? Пожелать — дело и простое, и трудное. Простое потому, что нет ничего проще, чем на словесном уровне высказать простое желание. Но нет ничего более трудного, чем понимать реальные пути осуществления этих желаний. Поэтому общее желание остается на уровне мечты. Хорошо бы, чтобы их жизнедеятельность была связана и со стремлением не отпугнуть своими неверными жизненными подходами (например, младостарчеством) тех, кто уже в ограде Церкви. И, соответственно, сделать все, чтобы пришли новые люди. Если говорить о реальных путях, то, скорее всего, они возможны только благодаря тому общественному движению, о котором мы говорили выше. Потому что тогда молодые священники смогут всей своей жизнью и практикой, цельностью духовного и нравственно-го мира привлекать тех, кто уже социально ориентирован, уже живет болью народа, но почему-то пока был далек от духовного осознания и переживания.